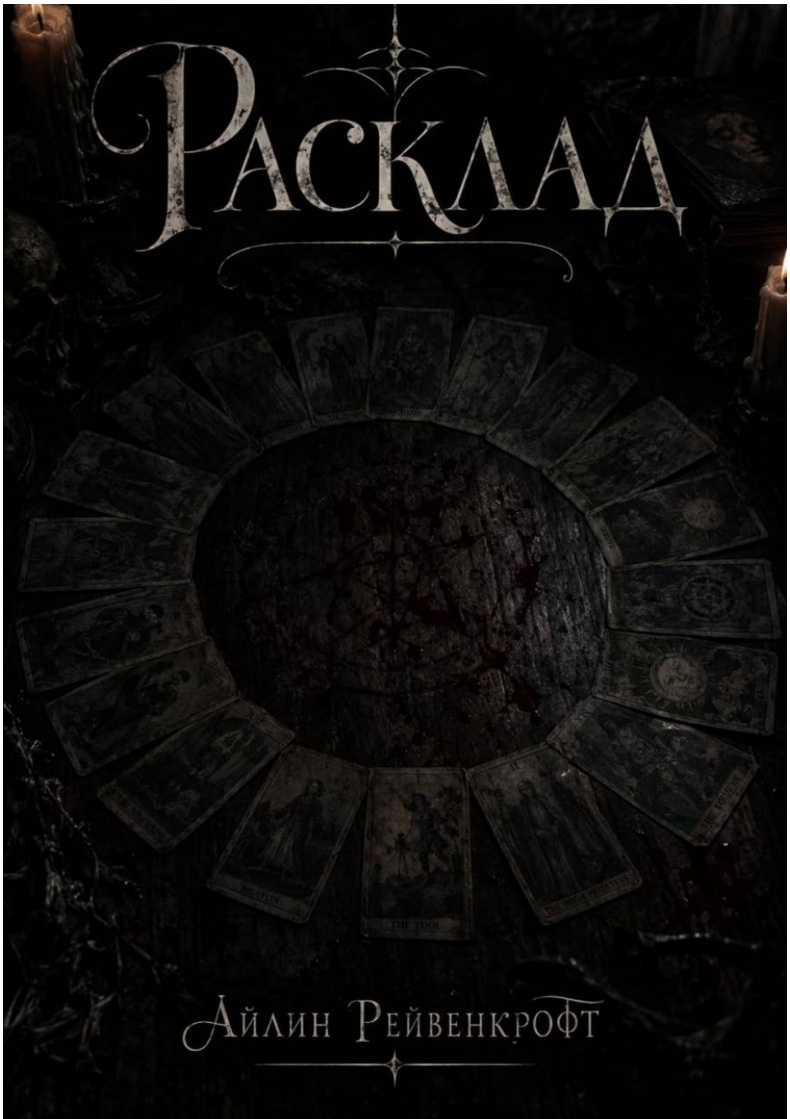

Расклад
Айлин Рейвенкрофт

Айлин Рейвенкрофт
Расклад

https://litres.ru/74700038
SelfPub; 2026

Аннотация

Фейтфор, конец XIX века. Мара Кровли получает в наследство колоду таро — и понимает, что это не карты для гадания, а приговор. Каждый старший аркан убивает по своему: Шут — смехом, Маг — исполнением желания, Жрица — знанием. Двадцать два аркана. Двадцать два способа умереть.

Мара не может остановить расклад. Она может только идти вперёд и смотреть. Пока не поймёт: она не свидетель. Она — часть колоды. И тот, кто создал её двести лет назад, ждал именно её.

Айлин Рейвенкрофт
Расклад

ГЛАВА 0. ШУТ.

Свечи в приюте Святой Инессы гасли сами только раз в году. Мара Кровли знала это с детства, потому что каждое утро её будили шаги старухи, которая обходила коридоры с медным подсвечником и зажигала всё, что погасло за ночь. Свечи были дешёвые, сальные, они чадили и оставляли на стенах жирные пятна, но настоятельница считала, что огонь в приюте должен гореть всегда, потому что там, где темно, живут те, кому не место среди людей. Мара выросла с этой мыслью, впитала её вместе с запахом воска и мокрой шерсти, и когда настоятельница умерла, первое, что она почувствовала, было не горе, а страх. Потому что огонь в приюте теперь никто не зажигал.

Смерть пришла к настоятельнице тихо, как приходит вор, который не хочет, чтобы его услышали. Она умерла в своей постели, в маленькой комнате на втором этаже, где пахло лавандой и старыми книгами. Мара нашла её утром, когда принесла чай, который настоятельница всегда пила с двумя кусками сахара, хотя врачи запрещали ей сладкое. Чай остыл, пока Мара стояла в дверях и смотрела на восковое лицо, на котором застыло выражение, которого Мара не мог-

ла понять. Это не было спокойствие. Это не было боль. Это было что-то другое, что-то, что заставило Мару попятиться и выронить чашку. Фарфор разбился о половицы, и звук показался ей оглушительным, как выстрел.

Хоронили настоятельницу в четверг, под серым небом, которое висело над Фейтфором уже третью неделю. Город был мрачный, каменный, пропитанный туманом и запахом угля, который поднимался от фабрик в низине и оседал на крышах, на одежде, на коже. Мара стояла у могилы, среди других послушниц, и слушала, как священник говорит слова, которые он говорил сотни раз и которые давно потеряли для него всякий смысл. Она смотрела на гроб, на дешёвое дерево, на металлические ручки, и думала о том, что настоятельница никогда не любила Фейтфор. Она говорила, что этот город проклят, что здесь слишком много теней и слишком мало света, и что единственное спасение — это уехать. Но она так и не уехала. Она осталась. И умерла здесь.

После похорон Мара вернулась в приют и пошла в комнату настоятельницы, чтобы разобрать вещи. Это была её обязанность, потому что она была старшей послушницей, потому что она знала настоятельницу дольше всех, потому что больше некому было это сделать. Комната была маленькая, с одним окном, которое выходило на внутренний двор, где росли чахлые кусты и стояла колодезная колонка, из которой давно не текла вода. Мара открыла шкаф, потом комод, потом сундук в углу, и всё, что она находила, было обычным

и незначительным. Одежда, книги, письма, которые настоятельница писала кому-то, кого Мара не знала, и которые так и не были отправлены. Мара складывала всё в коробки, стараясь не думать, не чувствовать, не вспоминать, потому что воспоминания причиняли боль, а боль была роскошью, которую она не могла себе позволить.

Шкатулку она нашла на дне сундука, под стопкой старых простыней. Она была деревянная, тёмная, с резьбой по краям, которая изображала что-то, что Мара сначала приняла за цветы, но потом поняла, что это не цветы. Это были глаза. Сотни маленьких глаз, вырезанных в дереве, которые смотрели на неё, куда бы она ни повернула шкатулку. Мара хотела отложить её, но что-то заставило её остановиться. Что-то в этой шкатулке было знакомым. Что-то в ней было неправильным. Мара провела пальцами по крышке и почувствовала, как дерево отзывается на её прикосновение, как будто оно живое, как будто оно ждало её все эти годы.

На крышке лежала записка, сложенная вчетверо. Почерк настоятельницы, который Мара узнала бы из тысячи, потому что она видела его каждый день, когда настоятельница писала письма, счета, распоряжения. Мара развернула записку и прочитала:

«Вскрой, когда свечи погаснут сами».

Она перечитала эти слова три раза, четыре раза, пять раз, но смысл не стал яснее. Свечи в приюте гасли сами только один раз в году, в ночь на первое ноября, когда ветер с бо-

лот, которых в Фейтфоре не было, но которые настоятельница всегда упоминала, задувал огонь во всех комнатах сразу. До этой ночи оставалось три дня.

Мара положила шкатулку на стол и вышла из комнаты. Она спустилась вниз, в трапезную, где послушницы ужинали, и села на своё место, и съела то, что ей положили, и не почувствовала вкуса. Она думала о шкатулке, о записке, о глазах, вырезанных в дереве, и о том, что настоятельница знала что-то, чего не знала она. Мара не верила в предзнаменования, не верила в знаки, не верила в то, что мёртвые могут говорить с живыми. Она верила в работу, в дисциплину, в порядок, потому что только они спасали её от мыслей, которые могли свести с ума. Но в ту ночь она не спала. Она лежала в своей постели, в дортуаре, где спали ещё двенадцать послушниц, и слушала их дыхание, и смотрела в потолок, и ждала, сама не зная чего.

Первого ноября туман опустился на Фейтфор так плотно, что город исчез. Мара вышла во двор и не увидела ни ворот, ни стены, ни кустов, только серую мглу, которая пахла сыростью и чем-то ещё, чем-то сладковатым, что напомнило ей запах цветов на похоронах. Она вернулась в приют и закрыла дверь, и в этот момент свечи начали гаснуть. Одна за другой, в коридорах, в трапезной, в часовне, в дортуаре. Мара шла по коридору и видела, как огоньки исчезают, как будто кто-то идёт за ней и задувает их, и когда она дошла до комнаты настоятельницы, вокруг неё была полная темнота. Только

шкатулка на столе светилась слабым, зеленоватым светом, который исходил изнутри, как будто внутри был огонь, но не было дыма.

Мара открыла шкатулку.

Внутри лежала колода карт, перевязанная чёрной лентой. Мара узнала таро, потому что видела такие карты в книге, которую настоятельница держала в своей комнате и которую запрещала трогать. Она развязала ленту и взяла колоду в руки, и карты показались ей холодными, как будто их держали в морге, как будто они не лежали в сундуке три дня, а лежали в земле триста лет. Она перевернула первую карту. На ней был изображён человек, который шёл к обрыву, не глядя под ноги, с узелком на палке и собакой, которая кусала его за ногу. Мара знала, что это значит. Она читала книгу. Шут. Начало. Конец. Ноль. Тот, кто не знает, куда идёт, но всё равно идёт.

Под картой лежала вторая записка. Почерк был другой, незнакомый, острый, как будто писали иглой.

«Ты — первая. Ты — последняя. Не сдавайся».

Мара перевернула записку, но на обратной стороне ничего не было. Она перечитала слова, и они показались ей знакомыми, как будто она уже слышала их, как будто она уже читала их, но не помнила когда. Она положила записку обратно в шкатулку и закрыла крышку, и свет погас, и темнота стала ещё гуще, чем прежде.

Мара вернулась в дортуар и легла в постель, не раздева-

ясь. Она держала шкатулку в руках, под одеялом, и чувствовала, как дерево согревается от её тела, как будто шкатулка была живым существом, которое хотело тепла. Она не спала. Она слушала, как ветер бьётся в окна, как скрипят половицы, как где-то внизу, в трапезной, кто-то ходит. Она знала, что в приюте никого нет, кроме послушниц и старой кухарки, которая спала на первом этаже и не могла ходить по ночам из-за больных ног. Но шаги были. Медленные, тяжёлые, они поднимались по лестнице, и Мара считала их, и когда они дошли до её двери, они остановились. Она ждала стука. Стука не было. Было только дыхание, тяжёлое, хриплое, как будто кто-то стоял за дверью и не мог решиться войти.

Утром Мару разбудил крик. Он шёл со двора, от колодца, и в нём было столько ужаса, что Мара вскочила с постели, не понимая, где она, не понимая, что происходит. Она выбежала в коридор, босиком, в одной рубашке, и увидела, что другие послушницы тоже выбегают из своих комнат, и все они бегут вниз, к выходу, и Мара побежала вместе с ними. Во дворе, у колодца, лежал старый садовник, мистер Пелл, который работал в приюте столько лет, что никто не помнил, когда он пришёл. Он лежал на спине, раскинув руки, и лицо у него было красное, как будто он задохнулся, и рот открыт, и на губах застыла пена. Но самое страшное было не это. Самое страшное было то, что он смеялся. Он смеялся, хотя был мёртв. Смех застыл на его лице, как будто мышцы свело судорогой, и Мара, которая видела много смертей, потому что

приют был местом, где люди умирали часто, никогда не видела ничего подобного.

Прибежала кухарка, закричала, упала на колени, начала молиться. Прибежали другие, кто-то побежал за врачом, кто-то за полицией. Мара стояла и смотрела на мёртвого садовника, и в голове у неё билась одна мысль, которую она не могла отогнать. Свечи погасли сами. Шкатулка открылась. И человек умер. Она не верила в совпадения. Она не верила в знаки. Но она верила в причину и следствие, и она видела, что причина была, и следствие было, и между ними была она.

Врач пришёл через час. Он осмотрел тело, покачал головой, сказал, что это разрыв сердца, что такое бывает, что старик был уже не молод, что нужно просто похоронить его и не искать виноватых. Полиция пришла через два часа. Констебль, молодой, с красными руками, которые он не знал, куда деть, записал что-то в блокнот, спросил, не видел ли кто-нибудь, как это произошло, и, не получив ответа, ушёл. Тело увезли в морг, на телеге, которую прислали из города.

Мара вернулась в свою комнату и села на кровать. Она смотрела в стену и видела лицо садовника. Она видела его рот, открытый в смехе. Она видела его глаза, которые смотрели в никуда. Она слышала его смех, который не был смехом. Она знала, что это значит. Она знала, что это только начало. Она знала, что смерть садовника — это не разрыв сердца.

Шут.

Это первая карта. Это тот, кто идёт к обрыву, не глядя под ноги. Это тот, кто смеётся, потому что не знает, что будет дальше. Это тот, кто умирает первым. И это только начало.

Мара просидела в своей комнате до вечера. Она не выходила, не ела, не разговаривала. Она смотрела в стену и думала о настоятельнице, о шкатулке, о записке, о глазах, вырезанных в дереве. Она думала о том, что настоятельница знала, что умрёт, и что она оставила шкатулку именно ей, Маре, а не кому-то другому. Она думала о том, что в приюте было двадцать две послушницы, и настоятельница выбрала её. Почему? Что в ней было такого, чего не было в других? Мара не находила ответа. Она находила только вопросы, и вопросы множились, как крысы в подвале, и к ночи их стало так много, что она перестала их считать.

Вечером пришла Хетти Лоум. Хетти была медсестрой, работала в городской больнице, и она была единственным человеком в Фейтфоре, которому Мара доверяла. Они выросли вместе, в этом приюте, и, хотя Хетти ушла пять лет назад, она возвращалась каждый месяц, чтобы навестить Мару и принести ей что-нибудь из города. Хетти была высокая, худая, с рыжими волосами, которые она прятала под чепцом, и с руками, которые всегда были тёплыми, даже зимой. Она вошла в комнату, не постучавшись, потому что Мара не запирала дверь, и села на кровать рядом, и взяла Мару за руку, и Мара почувствовала, что руки у Хетти холодные. Впервые за все годы, что Мара её знала, руки у Хетти были холодные.

— Ты слышала про садовника? — спросила Хетти. — Весь город говорит. Говорят, он смеялся, когда умер.

— Слышала, — сказала Мара. — Я его нашла.

Хетти замолчала. Она смотрела на Мару, и в её глазах было что-то, чего Мара не видела раньше. Страх. Настоящий, глубокий, тот страх, который не проходит, когда узнаёшь, что бояться нечего. Хетти боялась. И это было хуже всего, потому что Хетти не боялась ничего. Она работала в больнице, где умирали люди, где была кровь, гной, крики, и она не боялась. А теперь боялась.

— Что случилось? — спросила Мара.

Хетти отпустила её руку и встала. Она подошла к окну и посмотрела на двор, где уже стемнело, и где туман снова поднимался от земли, как будто город выдыхал его из себя. Она стояла долго, так долго, что Мара начала думать, что она не ответит. Но она ответила.

— В больнице вчера умерла женщина, — сказала Хетти. — Она умирала от чахотки. Врачи говорили, что ей осталось не больше недели. А сегодня утром она встала. Сама. Без помощи. Она ходила, говорила, ела. Она сказала, что получила то, чего хотела больше всего. Врачи не могли объяснить. Они говорили, что это чудо. А вечером она умерла. Тело разорвало изнутри. Как будто что-то росло у неё в животе и вырвалось наружу. Врачи говорят, что это был ребёнок. Но ребёнок не может расти так быстро. Ребёнок не может убить мать за один день.

Мара слушала, и холод, который она чувствовала с утра, становился сильнее. Он расползался по телу, как будто вены наполнялись льдом. Она думала о садовнике, который умер от смеха. Она думала о женщине, которую разорвало изнутри. Она думала о том, что смерть садовника была первой, а смерть женщины — второй, и что между ними была связь, и что эта связь была в ней.

— Хетти, — сказала Мара. — Ты помнишь, что говорила настоятельница? Про Фейтфор. Про тени. Про то, что здесь слишком мало света.

Хетти обернулась. Лицо у неё было бледное, как бумага.

— Она говорила, что город проклят, — сказала Хетти. — Она говорила это всем. Но она говорила это и о себе. Она говорила, что она тоже проклята. Я не понимала, что она имеет в виду. А теперь...

Она не договорила. Мара встала и подошла к ней. Они стояли рядом, у окна, и смотрели на двор, где туман становился всё гуще, и где уже ничего не было видно, кроме серой мглы.

— Теперь что? — спросила Мара.

— Теперь я думаю, что она знала, — сказала Хетти. — Она знала, что умрёт. И она знала, что после неё что-то начнётся. Что-то, что она не смогла остановить. И она оставила это тебе.

Мара не ответила. Она не могла ответить. Потому что Хетти была права. Настоятельница знала. Настоятельница

оставила шкатулку. И настоятельница умерла, не сказав ни слова.

В ту ночь Мара снова не спала. Она лежала в постели, держа шкатулку в руках, и слушала шаги. Они вернулись. Медленные, тяжёлые, они поднимались по лестнице, и Мара знала, что это не человек, потому что человек не может ходить так. Человек не может ходить так, чтобы пол не скрипел под ногами, чтобы воздух не двигался, чтобы тишина становилась ещё тише. Шаги дошли до её двери и остановились. Мара ждала. Она ждала всю ночь. И всю ночь за дверью кто-то стоял. Кто-то дышал. Кто-то ждал вместе с ней.

А утром, когда она вышла в коридор, она увидела, что все свечи в приюте погасли. Все до одной. И на полу, у двери, лежала карта.

Шут.

Та самая карта, которую она видела в шкатулке. Но теперь она была здесь. На полу. У её двери. Мара подняла её и посмотрела на изображение. Человек у обрыва. Собака. Узелок. Ноль. Начало. Конец. Она перевернула карту и увидела на обратной стороне надпись, выцарапанную, как будто изнутри.

«Один».

Мара смотрела на эту цифру долго. Она думала о садовнике. О его смехе. О его лице. О том, как он лежал у колодца. Один. Первая смерть. Первая карта. Шут. Тот, кто идёт к обрыву, не глядя под ноги. Тот, кто смеётся, потому что не

знает, что будет дальше. Тот, кто умирает первым.

Мара положила карту в карман. Она не знала, почему. Может быть, потому что боялась. Может быть, потому что хотела понять. Может быть, потому что что-то внутри неё, что-то, что она не могла назвать, уже знало, что это только начало.

ГЛАВА I. МАГ.

Утро в Фейтфоре всегда начиналось с дыма. Он поднимался от фабричных труб в низине, стелился по крышам, заползал в переулки и висел там до полудня, пока ветер не сгонял его к реке, которой в городе не было, но которую все называли просто водой. Мара Кровли стояла у окна своей комнаты в приюте Святой Инессы и смотрела, как серые клубы выползают из труб, как они закручиваются вокруг шпиля старой церкви, как они закрывают солнце, которое и без того показывалось редко. Она держала в руках шкатулку, прижатую к груди, и чувствовала, как дерево отзывается на каждое её движение, как будто внутри что-то живое поворачивается и устраивается удобнее. Она не спала вторую ночь подряд. Шаги за дверью больше не приходили, но тишина, которая наступала после них, была хуже любого звука.

Хетти Лоум пришла рано, ещё до того, как послушницы сели завтракать. Она вошла в комнату без стука, как всегда, но на этот раз в её движениях не было привычной уверен-

ности. Она закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и посмотрела на Мару так, как смотрят на человека, который стоит на краю крыши и не решает, прыгать или нет. Мара знала этот взгляд. Она видела его у многих людей, которые приходили в приют и просили приюта, и она знала, что за ним обычно следует либо признание, либо просьба, либо что-то, чего человек не может произнести вслух.

— Я не спала, — сказала Хетти. — Я думала о том, что ты рассказала. О картах. О шкатулке. О шагах. Я думала всю ночь.

— И что? — спросила Мара.

— И я вспомнила кое-что, — сказала Хетти. — В больнице есть пациентка. Женщина. Её привезли три дня назад. Она не больна. То есть она больна, но не так, как остальные. У неё чахотка, врачи говорят, что ей осталось не больше месяца. Но дело не в этом. Дело в том, что она говорит странные вещи. Она говорит, что видела смерть. Она говорит, что смерть пришла к ней и предложила сделку. И она согласилась.

Мара поставила шкатулку на стол и села на кровать. Она смотрела на Хетти и ждала продолжения, потому что чувствовала, что оно будет, и что оно ей не понравится.

— Что за сделка? — спросила она.

— Она не говорит точно, — сказала Хетти. — Она говорит, что смерть обещала ей жизнь. Настоящую жизнь. Не существование в чахотке, не кашель кровью, не боль. Она ска-

зала, что получит то, чего хотела больше всего. И она получила. Вчера она встала с постели. Сама. Без помощи. Она ходила по палате, она ела, она смеялась. Врачи не могли поверить. Они говорили, что это чудо. А сегодня утром...

Хетти замолчала. Она смотрела в пол, и Мара видела, как её руки сжимаются в кулаки, как костяшки белеют, как она борется с собой, чтобы не заплакать.

— Сегодня утром её нашли мёртвой, — сказала Хетти. — Тело разорвало изнутри. Врачи говорят, что это был ребёнок. Но ребёнок не может вырасти за один день. Ребёнок не может убить мать за несколько часов. А она была беременна. Она сказала об этом вчера. Она сказала, что смерть дала ей ребёнка. И она была счастлива. Она была счастлива, Мара. А потом её не стало.

Мара сидела неподвижно. Она думала о садовнике, который умер от смеха. Она думала о женщине, которая получила то, чего хотела, и умерла от этого. Она думала о том, что смерть садовника была первой, а смерть женщины — второй. И она думала о том, что между ними была связь. И что эта связь была в ней.

— Ты видела её? — спросила Мара.

— Видела, — сказала Хетти. — Я была там, когда её нашли. Я видела, что осталось. Я видела, что вышло из неё. Это не ребёнок, Мара. Это что-то другое. Что-то, что не должно существовать. Оно было живое. Оно двигалось. Оно смотрело на меня. А потом оно умерло. Оно прожило несколько

минут. И всё это время оно смотрело на меня.

Мара встала. Она надела шаль и взяла шкатулку. Она посмотрела на Хетти и увидела, что Хетти смотрит на неё с чем-то, что было похоже на надежду. Или на отчаяние. Мара не могла различить.

— Ты пойдёшь со мной? — спросила Мара.

— Куда? — спросила Хетти.

— В больницу, — сказала Мара. — Я хочу увидеть тело. Я хочу увидеть то, что вышло из неё. Я хочу понять, что это было.

Хетти кивнула. Она не сказала ни слова, но Мара видела, что она согласна. И это было всё, что ей нужно было знать.

Городская больница Фейтфора стояла на холме, над низиной, где дымили фабрики, и от неё открывался вид на весь город. Здание было старое, каменное, с высокими окнами и узкими коридорами, которые пахли карболкой и чем-то ещё, чем-то сладковатым, что Мара не могла определить. Хетти провела её через главный вход, мимо регистратуры, где сидела женщина с усталым лицом, мимо палат, где лежали больные, мимо морга, где стояли тела, накрытые простынями. Они шли долго, и Мара смотрела по сторонам, и видела то, что видела всегда, когда приходила в больницу. Страдание. Тишину. Людей, которые ждали смерти, и людей, которые ждали жизни. И между ними — врачей, которые делали вид, что знают, что делают.

Морг был в подвале. Хетти открыла дверь ключом, кото-

рый висел у неё на поясе, и они вошли в холодное помещение, где на столах лежали тела. Их было три. Два мужчины и женщина. Мара подошла к женщине и откинула простыню. Она увидела то, что ожидала увидеть, но не была готова к этому. Тело было разорвано. Не разрезано, не вскрыто, а разорвано изнутри. Рёбра были раздвинуты, как будто что-то вырвалось наружу, и на груди зияла рана, которая не была похожа ни на что, что Мара видела раньше. Края раны были неровные, как будто их разгрызли, и в глубине, среди костей и мышц, было что-то, что не было человеческим. Мара наклонилась ближе. Она увидела остатки того, что вышло из женщины. Это было маленькое, сморщенное, похожее на ребёнка, но не ребёнок. У него была голова, руки, ноги, но лицо было гладкое, без глаз, без рта, без носа. Как будто оно не успело сформироваться. Как будто оно вышло слишком рано. Как будто оно вообще не должно было существовать.

— Вот, — сказала Хетти. — Вот что я видела. Вот что смотрело на меня.

Мара протянула руку и коснулась того, что лежало в ране. Это было холодное. Это было твёрдое. Это было мёртвое. Но когда она коснулась, что-то произошло. Она почувствовала, как что-то проходит через её пальцы, как будто ток, как будто волна, как будто что-то живое всё ещё было там, в этом маленьком, сморщенном теле, и это что-то отозвалось на её прикосновение. Мара отдёрнула руку. Она посмотрела на свои пальцы. На них не было крови. На них не было грязи.

Но они покалывали, как будто она держала их в снегу.

— Ты что-то почувствовала? — спросила Хетти.

— Да, — сказала Мара. — Я не знаю что. Но я что-то почувствовала.

Она снова посмотрела на тело. Она смотрела долго, изучая каждую деталь, каждую рану, каждую тень. Она думала о том, что произошло. Женщина хотела жить. Женщина хотела ребёнка. Женщина получила и то, и другое. Но жизнь оказалась слишком сильной, а ребёнок оказался слишком быстрым. Она получила то, чего хотела, но не так, как хотела. И это её убило. Мара думала о том, что это не болезнь. Это не случайность. Это карта.

Маг.

Человек, который поднимает руку к небу. Человек, который получает силу. Человек, который не может остановиться. Она думала о том, что будет дальше. Она думала о том, кто следующий.

— Нам нужно поговорить с врачом, — сказала Мара. — С тем, кто её лечил. Он должен знать больше.

Хетти кивнула. Она накрыла тело простыней, и они вышли из морга. Они поднялись по лестнице, прошли по коридору и остановились у двери с табличкой, на которой было написано имя врача. Хетти постучала. Голос из-за двери сказал войти.

Доктор Криспин Мерроу был старый, сухой, с лицом, которое напоминало Маре сморщенное яблоко. Он сидел за

столом, заваленным бумагами, и когда они вошли, он поднял голову и посмотрел на них с выражением, которое Мара уже видела у многих врачей. Это было выражение человека, который видел слишком много смертей и научился не показывать, что они его трогают. Но в его глазах было что-то ещё. Что-то, что Мара не могла назвать. Что-то, что было похоже на страх.

— Мисс Лоум, — сказал он. — Я ждал вас. И вы, должно быть, мисс Кровли. Я слышал о вас. Вы нашли садовника в приюте.

Мара кивнула. Она не спрашивала, откуда он знает. В Фейтфоре все знали всё.

— Я хочу спросить о женщине, — сказала Мара. — О той, которая умерла сегодня утром. О той, которую разорвало изнутри.

Доктор Мерроу отложил перо, которым писал, и посмотрел на Мару внимательно. Он смотрел долго, так долго, что Мара начала чувствовать себя неуютно. Но она не отвела взгляд. Она ждала.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он наконец. — Я знал это с того момента, как увидел её тело. Я знал, что кто-то придёт. Я не знал, кто именно. Но я знал, что это будет кто-то, кто понимает. Кто-то, кто видел такое раньше. Кто-то, кто знает, что это не болезнь.

— Что это? — спросила Мара.

Доктор Мерроу встал и подошёл к окну. Он смотрел на

город, на дым, на серое небо, и Мара видела, как его руки дрожат. Он был старый, но не настолько, чтобы дрожать. Это был не возраст. Это был страх.

— Я работаю в этой больнице сорок лет, — сказал он. — Я видел много смертей. Я видел чуму, холеру, тиф. Я видел людей, которые умирали от голода, от холода, от того, что их тело переставало работать. Но я никогда не видел ничего подобного. Я никогда не видел, чтобы человек получал то, чего хотел, и умирал от этого. Я никогда не видел, чтобы тело разрывало изнутри, как будто что-то рвалось наружу. Я никогда не видел, чтобы ребёнок рождался за один день и умирал через несколько минут.

Он обернулся и посмотрел на Мару.

— Но я слышал об этом, — сказал он. — Я слышал истории. От старых врачей, от старых книг, от старых людей, которые помнят то, что другие забыли. Я слышал о картах. О колоде, которая убивает. О раскладе, который нельзя остановить. Я слышал о женщине, которая держит колоду. О женщине, которая должна пройти до конца. Я слышал о вас, мисс Кровли. Задолго до того, как вы родились.

Мара почувствовала, как холод, который она носила в себе с той ночи, когда свечи погасли сами, становится сильнее. Она смотрела на доктора Мерроу и видела, что он говорит правду. Она видела, что он знает больше, чем говорит. И она видела, что он боится.

— Что вы знаете? — спросила она. — Что вы знаете о

колоде? О раскладе? О том, что происходит?

Доктор Мерроу вернулся к столу и сел. Он открыл ящик, вытащил оттуда книгу, старую, в кожаном переплёте, с выцветшими буквами на корешке. Он положил её на стол и пододвинул к Маре.

— Это дневник, — сказал он. — Дневник человека, который жил в Фейтфоре двести лет назад. Его звали... впрочем, это не важно. Важно то, что он видел то же, что видите вы. Он видел, как люди умирают от карт. Он видел, как расклад идёт своим чередом. Он пытался остановить это. Он не смог. Но он записал всё, что узнал. И он оставил это здесь, в больнице, потому что знал, что однажды кто-то придёт и спросит.

Мара взяла книгу. Она была тяжёлая, как будто внутри было что-то ещё, кроме страниц. Она открыла её и увидела почерк, острый, как игла. «Ты — первая. Ты — последняя. Не сдавайся». Тот же почерк. Тот же человек. Мара посмотрела на доктора Мерроу.

— Кто он? — спросила она. — Кто написал это?

Доктор Мерроу покачал головой.

— Я не знаю, — сказал он. — Я знаю только то, что он был здесь. Двести лет назад. И что он оставил после себя колоду. Ту самую, которую вы теперь держите. И что он ждал кого-то, кто завершит то, что он начал. Кого-то, кто пройдёт расклад до конца. Кого-то, кто станет последней картой.

Мара закрыла книгу и прижала её к груди. Она чувствовала, как что-то внутри неё меняется. Как будто часть голо-

воломки встала на место. Как будто она начала понимать то, что раньше было скрыто. Она думала о настоятельнице. О том, что настоятельница знала. О том, что настоятельница оставила ей шкатулку. О том, что настоятельница умерла, не сказав ни слова. Может быть, она не могла сказать. Может быть, она боялась. Может быть, она знала, что Мара должна узнать всё сама.

— Спасибо, — сказала Мара. — Спасибо за книгу. За то, что сказали. За то, что не соврали.

Доктор Мерроу кивнул. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что Мара не могла назвать. Что-то, что было похоже на надежду. Или на прощание.

— Будьте осторожны, — сказал он. — Я не знаю, что вас ждёт. Но я знаю, что это будет тяжело. И я знаю, что вы не должны оставаться одна.

Мара кивнула. Она взяла книгу и вышла из кабинета. Хетти последовала за ней. Они шли по коридору молча, и Мара чувствовала, как книга в её руках становится теплее, как будто она тоже была живой, как будто она знала, что её нашли.

Они вышли из больницы, и Мара остановилась на крыльце. Она смотрела на город, на дым, на туман, на людей, которые шли по улицам и не знали, что происходит. Она думала о том, что смерть уже началась. Она думала о том, что будут ещё жертвы. Она думала о том, что она не может остановить это. Но она знала, что должна попытаться.

— Что теперь? — спросила Хетти.

Мара открыла книгу и перелистала страницы. Она остановилась на первой записи. Почерк был острый, как игла, и слова были написаны так, как будто их вырезали на бумаге.

«Я видел, как это началось. Я видел, как карты вышли из колоды. Я видел, как они выбрали жертву. Я видел, как человек получил то, чего хотел, и умер от этого. Я знаю, что это только начало. Я знаю, что будет ещё двадцать одна смерть. Я знаю, что последняя будет моей. Но я не боюсь. Потому что я знаю, что кто-то придёт после меня. Кто-то, кто завершит то, что я начал. Кто-то, кто станет последней картой».

Мара закрыла книгу. Она посмотрела на Хетти и увидела, что Хетти смотрит на неё с тем же выражением, что и раньше. Надежда. Или отчаяние. Мара не могла различить.

— Теперь мы читаем, — сказала Мара. — Мы читаем всё. Мы узнаём всё, что он знал. И мы находим способ остановить это. Пока не стало слишком поздно.

Хетти кивнула. Она взяла Мару за руку, и её рука была холодной, но Мара не отстранилась. Она сжала пальцы Хетти и почувствовала, что она не одна. Что есть кто-то, кто рядом. Кто-то, кто поможет. Кто-то, кто не бросит.

Мара вернулась в приют уже к вечеру. Туман стал гуще, дым стал чернее, небо стало ниже. Она шла по улицам Фейтфора и чувствовала, как книга в её руках становится тяжелее с каждым шагом. Как будто она несла не дневник, а что-то живое. Что-то, что дышало. Что-то, что ждало.

Она вошла в приют и закрыла за собой дверь. В коридоре было тихо, как будто все послушницы куда-то исчезли. Мара поднялась по лестнице и остановилась у своей комнаты. Дверь была закрыта. Она не запирала её, но сейчас дверь была закрыта. Мара толкнула её и вошла.

В комнате было темно. Только слабый свет из окна, который почти не пробивался сквозь туман. Мара сделала шаг и остановилась. На кровати, на подушке, лежала карта. Она не была там раньше. Мара не оставляла её там. Она вообще не оставляла карт. Шкатулка была закрыта. Шкатулка была в сундуке. Шкатулка была под замком.

Мара подошла к кровати и взяла карту. Она была холодная, как лёд. Как будто её держали в морге. Как будто её только что вынули из воды, которой в Фейтфоре не было, но которая всё равно была. Мара перевернула карту и увидела изображение. Человек, который стоит перед столом. На столе — нож, чаша, жезл и монета. Человек поднимает руку к небу. На его лице — выражение, которого Мара не могла понять. Это не было спокойствие. Это не было боль. Это было что-то другое. Что-то, что она уже видела. На лице мёртвой настоятельницы. На лице садовника. На лице женщины, которую разорвало изнутри.

Маг.

Мара перевернула карту. На обратной стороне была надпись. Выцарапанная, как будто изнутри. Как будто ногтем. Как будто чем-то, что не было ногтем.

«Два».

Мара смотрела на эту цифру долго. Она думала о садовнике. О его смехе. О его лице. Один. Первая смерть. Шут. А теперь — два. Вторая смерть. Маг. Женщина, которая получила то, чего хотела. Женщина, которую разорвало изнутри. Женщина, которая умерла счастливой.

Мара положила карту на стол. Она не хотела её трогать. Она не хотела её видеть. Она хотела выбросить её. Сжечь. Разорвать. Но она знала, что это бесполезно. Карта вернётся. Она всегда возвращается. Потому что расклад нельзя остановить. Потому что смерть нельзя отменить. Потому что счёт продолжается. И следующая цифра будет «Три».

Мара села на кровать и открыла дневник. Она начала читать. Она читала всю ночь, и к утру она знала больше, чем знала вчера. Она знала, что колода существует двести лет. Она знала, что расклад повторяется снова и снова. Она знала, что каждый, кто пытался остановить это, становился картой. И она знала, что она — следующая. Она — В. Она — та, кто держит колоду. Она — та, кто должен пройти до конца.

Маг убивает желанием. Он даёт то, чего ты хочешь больше всего. Он даёт это так, что оно растёт. Растёт быстро. Растёт неудержимо. Растёт, пока не разорвёт тебя изнутри. И ты умираешь, глядя на то, что получила. Ты умираешь счастливой. Потому что ты получила то, чего хотела. И это хуже всего.

Мара поняла это, когда сидела на кровати. Она поняла

это, когда вспомнила лицо женщины. Она поняла это, когда перевернула карту и увидела цифру «Два». Маг убивает желанием. И женщина в больнице была второй.

ГЛАВА II. ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Хетти Лоум умерла в четверг, и Мара узнала об этом не от врачей и не от полиции. Она узнала об этом от книги. Книга лежала на подоконнике в её комнате, хотя Мара не оставляла её там. Она вообще не оставляла книгу на подоконнике. Она держала её под подушкой, потому что боялась, что кто-то найдёт её и прочитает. Но в то утро книга лежала на подоконнике. Открытая. На той странице, которую Мара ещё не читала. И на странице было написано имя. Одно имя. Хетти.

Мара не сразу поняла, что это значит. Она стояла и смотрела на страницу, и буквы расплывались перед глазами. Она думала, что это совпадение. Она думала, что это случайность. Она думала, что книга открылась сама. Но книга не открывалась сама. Книга не лежала на подоконнике. Книга не показывала имена. Книга делала то, что хотела. Книга была частью расклада. Книга была частью смерти. Книга была частью всего.

Мара оделась и вышла. Она не стала ждать. Она не стала проверять. Она не стала думать. Она просто пошла. По улицам Фейтфора, мимо фабрик, мимо домов, мимо людей, которые не смотрели на неё. Туман стоял стеной. Дым стоял

стеной. Город стоял стеной. Мара шла сквозь него. Она не знала, куда идёт. Она знала только, что должна идти. Потому что если остановится, то опоздает. А если опоздает, то Хетти умрёт. А если Хетти умрёт, то это будет её вина. Её. Мары. Послушницы приюта Святой Инессы. Та, кто держит колоду. Та, кто должна пройти до конца. Та, кто должна умереть. Та, кто должна стать картой.

Она дошла до больницы. Она поднялась по ступеням. Она прошла мимо регистратуры, где сидела женщина с усталым лицом. Она прошла мимо палат, где лежали больные. Она прошла мимо морга, где стояли тела. Она остановилась у двери в конце коридора. Дверь была приоткрыта. Из-за неё слышался голос. Женский. Тихий. Хриплый. Он говорил что-то, чего Мара не могла разобрать. Она толкнула дверь и вошла.

Палата была маленькая, с одним окном, забранным решёткой. На койке лежала Хетти. Она была бледная, как бумага, и руки у неё были холодные. Мара подошла к ней и села на край койки. Она взяла Хетти за руку. Рука была холодная, но не такая холодная, как у мёртвых. Мара не понимала, что это значит. Она не понимала, почему Хетти всё ещё тёплая. Она не понимала, почему Хетти всё ещё здесь. Она не понимала, почему Хетти не ушла.

— Хетти, — сказала Мара. — Что случилось?

Хетти открыла глаза. Медленно. Так медленно, что Мара услышала, как хрустят её ресницы. Она посмотрела на Мару,

и в её глазах было что-то, что Мара не могла назвать. Что-то, что было похоже на знание. Настоящее знание. То, которое приходит не из книг. То, которое приходит не из опыта. То, которое приходит изнутри. Из глубины. Из того места, где живёт смерть. Из того места, где живёт расклад. Из того места, где живёт всё.

— Я видела её, — сказала Хетти. — Сегодня ночью. Она пришла ко мне. Она стояла у моей кровати и смотрела на меня. Она не говорила. Она просто смотрела. А потом она открыла рот, и из него вышло что-то. Что-то, что не было словом. Что-то, что было похоже на знание. И оно вошло в меня. И теперь я знаю. Я знаю то, чего не должна знать. Я знаю, что будет с тобой. Я знаю, что будет со мной. Я знаю всё.

Мара смотрела на неё. Она видела, что Хетти говорит правду. Она видела, что Хетти действительно знает что-то, чего не должна знать. И это что-то убивало её. Медленно. Изнутри. Как чахотка. Но быстрее. Гораздо быстрее.

— Что ты знаешь? — спросила Мара.

Хетти посмотрела на неё. В её глазах было что-то, что Мара не могла назвать. Что-то, что было похоже на жалость. Или на прощание. Или на то и другое сразу.

— Я знаю, что ты не помнишь, — сказала Хетти. — Я знаю, что ты уже была здесь. Я знаю, что ты уже умирала. Я знаю, что ты — не та, кем себя считаешь. Ты — Жрица. Ты — та, кто держит колоду. Ты — та, кто должен пройти

до конца. Но ты не помнишь. Потому что если бы помнила, ты бы сошла с ума. Или, может быть, ты уже сошла. Может быть, всё это — только в твоей голове. Может быть, меня здесь нет. Может быть, тебя здесь нет. Может быть, мы обе мертвы, и просто не знаем об этом.

Мара слушала, и слова падали в неё, как камни в колодец. Она не понимала их. Она не хотела их понимать. Но что-то внутри неё, что-то, что она не могла назвать, отзывалось на эти слова. Как будто они были правдой. Как будто она уже слышала их. Как будто она уже знала их.

— Хетти, — сказала Мара. — Ты не мертва. Я не мертва. Мы здесь. Мы живые. И мы должны остановить это. Пока не стало слишком поздно.

Хетти покачала головой. Она улыбнулась, и улыбка была страшнее любого крика. Она была спокойна. Слишком спокойна. Как будто она уже знала, что будет дальше. Как будто она уже приняла это. Как будто она уже была готова.

— Слишком поздно уже наступило, — сказала Хетти. — Слишком поздно было двести лет назад. Слишком поздно было в тот момент, когда ты открыла шкатулку. Слишком поздно было тогда, когда ты родилась. Ты не можешь остановить это, Мара. Ты можешь только пройти до конца. Или умереть. Или и то, и другое.

Она замолчала. Она закрыла глаза и откинула голову назад. Мара держала её за руку и чувствовала, как что-то уходит из Хетти. Что-то, что было жизнью. Что-то, что было

теплом. Что-то, что было Хетти. Она хотела что-то сказать. Она хотела что-то сделать. Она хотела что-то изменить. Но она не могла. Она могла только смотреть. И ждать. И знать.

— Хетти, — сказала Мара. — Не уходи. Пожалуйста. Не оставляй меня одну.

Хетти открыла глаза. Она посмотрела на Мару, и в её взгляде было что-то, что Мара запомнила на всю жизнь. Это была не жалость. Это была не любовь. Это было знание. Знание того, что будет дальше. Знание того, что Мара не сможет остановить. Знание того, что всё уже решено. Она улыбнулась. И в этой улыбке было что-то, что Мара не могла назвать. Что-то, что было похоже на прощание. Настоящее прощание. То, которое не оставляет надежды. То, которое не оставляет ничего.

— Ты не одна, — сказала Хетти. — Ты никогда не была одна. Ты просто не помнишь. Но ты вспомнишь. Когда придёт время. Когда останется только одна карта. Тогда ты вспомнишь всё. Тогда ты вспомнишь меня. Тогда ты вспомнишь всех. Тогда ты вспомнишь, что ты сделала. Тогда ты вспомнишь, что ты должна сделать. Тогда ты вспомнишь, кто ты. Тогда ты вспомнишь, кем ты была. Тогда ты вспомнишь, кем ты стала. Тогда ты вспомнишь, кем ты будешь. Тогда ты вспомнишь, кем ты не будешь. Тогда ты вспомнишь. Тогда ты вспомнишь. Тогда ты вспомнишь.

Она закрыла глаза. Её дыхание стало тихим. Потом ещё тише. Потом его не стало. Мара сидела на койке, держа Хет-

ти за руку, и чувствовала, как холод, который она носила в себе, становится частью её. Она не плакала. Она не кричала. Она просто сидела и смотрела на лицо Хетти, на котором застыло выражение, которое она уже видела. У садовника. У женщины в больнице. У всех, кто умер. Это было не спокойствие. Это было не боль. Это было что-то другое. Что-то, что заставило Мару понять, что она больше не может быть той, кем была раньше. Что-то, что заставило её понять, что она — часть чего-то большего. Что-то, что заставило её понять, что она — Жрица. И что она должна пройти до конца.

Она встала. Она положила руки Хетти на койку, аккуратно, как будто та спала. Она вышла из палаты и пошла по коридору. Она не смотрела на людей, которые попадались ей на пути. Она не слышала, что они говорят. Она шла, и в голове у неё билась одна мысль. Она должна найти того, кто это начал. Она должна найти того, кто оставил шкатулку. Она должна найти ответы. Потому что если она этого не сделает, Хетти умрёт не последней. Будут другие. Много других. И она будет среди них. Она будет последней. Она будет концом. И она будет началом.

Она вышла из больницы и остановилась на крыльце. Туман стал гуще. Дым стал чернее. Небо стало ниже. Мара смотрела на город и думала о том, что он не знает, что происходит. Что люди ходят по улицам, работают, едят, спят, и не знают, что смерть уже началась. Что расклад уже идёт. Что карты уже выпали. Она думала о том, что она — един-

ственная, кто знает. И что это знание убивает её так же, как убило Хетти. Медленно. Изнутри. Как чахотка. Но быстрее. Гораздо быстрее.

Она вернулась в приют. Она прошла мимо послушниц, которые смотрели на неё с испугом. Мимо кухарки, которая что-то говорила, но Мара не слышала. Она поднялась в свою комнату и закрыла дверь. Она села на кровать и взяла книгу. Она открыла её на той странице, где было имя Хетти. Имя было вычеркнуто. Не зачёркнуто. Не стёрто. Вычеркнуто. Как будто кто-то провёл по нему линию. Одну. Прямую. Тонкую. Как будто кто-то хотел, чтобы Мара знала: это уже случилось. Это уже произошло. Это уже нельзя изменить.

Мара перевернула страницу. На следующей было написано другое имя. Не Хетти. Не садовник. Не женщина в больнице. Другое имя. Мара не знала его. Но она знала, что оно значит. Оно значило, что следующая смерть уже назначена. Оно значило, что расклад продолжается. Оно значило, что она должна идти дальше. Оно значило, что она не может остановиться. Оно значило, что она должна найти этого человека. Пока не стало слишком поздно. Пока он не умер. Пока он не стал картой. Пока он не стал частью расклада. Пока он не стал частью её.

Она закрыла книгу и положила её на стол. Она посмотрела в окно. За стеклом был Фейтфор. Серый. Мокрый. Дымный. И в этом городе не было ни одного дерева, которое могло бы дать корни. Но что-то изменилось. Что-то, чего Мара не

могла увидеть. Что-то, что она чувствовала кожей. Как будто воздух стал тяжелее. Как будто туман стал гуще. Как будто смерть стала ближе. Она знала, что это значит. Она знала, что следующая карта уже выпала. Она знала, что кто-то умрёт. И она знала, что не может это остановить. Но теперь она знала и другое. Она знала, что следующая карта — Жрица. И что Жрица не будет похожа на все остальные. Потому что Жрица — это не просто аркан. Это знание. Это то, что открывает. Это то, что убивает. И это то, что уже началось.

Она встала. Она подошла к двери и открыла её. В коридоре было тихо. Слишком тихо. Как будто весь приют вымер.

Она вышла в коридор и закрыла за собой дверь. Она не знала, куда идёт. Она знала только, что должна идти. Потому что расклад продолжается. Потому что смерть не остановилась.

ГЛАВА III. ИМПЕРАТРИЦА.

Мара не помнила, как провела ночь после больницы. Она помнила только, что сидела на кровати, не раздеваясь, и смотрела в стену. Стена была серая, штукатурка осыпалась местами, и в трещинах виднелась дранка, которую кто-то когда-то прибил гвоздями, чтобы держать дом. Мара смотрела на эти трещины и видела в них линии. Линии складывались в фигуры. Фигуры складывались в порядок. Она не спала. Она не ела. Она не выходила из комнаты. Она просто сидела

и ждала, сама не зная чего. А утром встала и вышла.

Туман снаружи был таким плотным, что Мара не увидела даже собственных рук. Она шла по улицам Фейтфора и не знала, куда идёт. Она знала только, что должна идти. Потому что если она остановится, то останется одна с тем, что видела. С лицом Хетти. С её последними словами. С тем, как её руки холодели под пальцами Мары. Она шла, и туман не расступался, но и не мешал. Он просто был. Как и всё в этом городе.

Она шла долго. Она не считала шагов. Она не считала минут. Она не считала ничего, потому что счёт потерял смысл с того момента, как она открыла шкатулку настоятельницы. Время стало чем-то текучим. Оно текло мимо неё, как вода, которой в Фейтфоре не было, но которая всё равно была. Мара не пыталась его удержать. Она просто шла.

Она остановилась только тогда, когда почувствовала запах. Запах земли. Не пыли, не сырости, не затхлости старого здания. Настоящей земли. Влажной, тяжёлой, живой. Земли, которую только что вскопали. Земли, в которую только что что-то посадили. Земли, которая дышала. Мара подняла голову и увидела, что стоит перед оранжереей. Стеклянной, старой, с металлическим каркасом, который проржавел настолько, что казался чёрным. Дверь была открыта. Из неё шёл свет. Не свечной, не газовый. Какой-то другой. Зелёный. Тёплый. Живой. Свет, который шёл не от лампы, а от самих растений. От их листьев. От их стеблей. От их корней.

Мара не хотела входить. Она знала, что там что-то есть. Что-то, что ждёт её. Что-то, что уже началось. Но она знала и другое. Она знала, что если не войдёт, то это что-то выйдет само. И тогда будет хуже. Она вошла.

Внутри было тепло. Слишком тепло для ноября. Слишком тепло для Фейтфора. Слишком тепло для чего-либо, что Мара знала. Воздух был влажный, тяжёлый, и в нём висел запах, который Мара не могла определить. Что-то сладкое. Что-то гнилостное. Что-то, что было одновременно живым и мёртвым. Она шла между грядками и видела, что растения здесь необычные. Они были слишком большие. Слишком яркие. Слишком живые. Они росли так быстро, что Мара слышала, как они растут. Как трещат стебли. Как раскрываются бутоны. Как шевелятся листья. Как тянутся корни. Она слышала, как земля дышит. Как она ворочается. Как она что-то переваривает. Как она что-то рождает.

Она подошла к центру оранжереи и остановилась. Там, на полу, среди растений, лежала женщина. Молодая, бледная, с растрёпанными волосами. Она лежала на спине, раскинув руки, и её тело прорастало изнутри. Корни, побеги, грибница. Они выходили из её кожи. Из её рта. Из её глаз. Они росли так быстро, что Мара видела, как они двигаются. Как они тянутся к свету. Как они ищут что-то, чего не было в этой оранжерее. Как они ищут что-то, чего не было нигде. Женщина была ещё жива. Она смотрела на Мару и улыбалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.